

ТЕМА НОМЕРА: ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ

УДК 323.22:316.334.3

Л.И. Никовская

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРОТЕСТЫ: ЧТО ЗА НИМИ СТОИТ?

НИКОВСКАЯ Лариса Игоревна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник ИС РАН, руководитель ИК по публичной политике и гражданскому обществу РАПН. E-mail: nikovsky@inbox.ru.

В статье исследуются конфликтные аспекты поддержания порядка в современной России, сохранения предсказуемости и стабильности в соотношении с задачами изменения и реформации политической системы. Вскрываются противоречия, дисфункции и напряжения, которые складываются в системе взаимоотношений государства и гражданского общества, особенности институционализации проблемных взаимодействий и перевода конфликтного потенциала в позитивно-функциональное русло, что позволяет использовать конфликт как элемент социальной динамики. Автор указывает на необходимость использования конфликтологического подхода для анализа противоречий и конфликтных напряжений. Подчеркивается, что политический процесс, взаимодействие государства и гражданского общества в России развиваются сегодня в контексте противоборства между тенденцией к стабилизации, равновесию, с одной стороны, и стремлением к дальнейшему изменению, преобразованию – с другой. Формулируются фундаментальные проблемы российской политической системы, которые выявила протестная активность как индикатор конфликтного потенциала во взаимоотношениях гражданского общества и власти.

Ключевые слова: гражданское общество, взаимодействие, государство, конфликт, протест, гражданское неповиновение, оппозиция, политическая система, демократия, политический режим, публичная сфера, коммуникации.

События, последовавшие после выборов в Госдуму 4 декабря 1911 г., показали, что речь идет о явных признаках пробуждения гражданского общества от политической апатии, в которую его поместила власть под лозунгами стабильности и наведения порядка. Точкой невозврата для прежней политической системы, основанной на отделении граждан от управления страной и полной безответственности власти перед населением, стала рокировка тандема 24 сентября 2011 г. на съезде «Единой России», когда правящий страной тандем до всяких выборов фактически расписал сценарий жизни страны на ближайшие 6, а то и 12 лет. Обществу не понравился ни этот сценарий, ни то, что он написан даже без его формального участия и согласия.

© Никовская Л. И., 2012

Система управляемой демократии стала препятствием для развития страны, выявив наиболее императив момента: политическая система должна создавать механизмы развивающейся демократии, которые будут направлять ее от управляемой демократии к демократии консолидированной.

Гражданское общество выступает пространством формирования тех социально-политических сил, которые сегодня снизу выдвигают общественный запрос на полноценную реформу политической системы на основе открытости и соревновательности, реального развития принципов демократии. Гражданское общество можно рассматривать как основу становления демократических институтов, поскольку оно само несет энергию общественной самодеятельности; как сферу структурирования многообразных общественных интересов; как определенную характеристику состояния всего общества, свидетельствующую о степени его цивилизованности. На первый план выходят проблемы гражданственности, культуры гражданина: соотношения личности и группы, личности и государства, общества и власти; основаны ли эти отношения на доверии, сотрудничестве, солидарности, ответственности и автономии. Совокупность этих слагаемых раскрывает зрелость демократических принципов, масштаб влияния гражданского общества на власть. Если анализировать многосторонние и противоречивые процессы общественно-политической модернизации в России именно с позиции интересов субъектов гражданского общества, можно уверенно сказать, что в нынешних условиях наблюдается переход от фактора политической модернизации к превращению в один из ее субъектов. При этом в процессе своего развития оно начинает выступать в качестве своеобразного индикатора качества институциональной среды политической системы, показывая, насколько глубоко и органично в ней представлено демократическое начало.

Сегодня важно исследовать роль конфликта в системе взаимодействия государства и гражданского общества в функциональном смысле, позволяющем ему актуализировать конструктивный потенциал обоих субъектов оппонирования для предотвращения стагнации общества и противодействия авторитарным тенденциям политической системы. За последние годы обозначился и стал углубляться конфликт между монополизирующейся политической властью и плюрализмом гражданских интересов, за которыми стоят общественно-политические группы гражданского общества, вызванные к жизни ходом демократических преобразований политической сферы.

Действительно, политическая система общества в ее нынешнем виде не удовлетворяет подавляющее большинство граждан. Авторитарные и олигархические механизмы власти вошли в противоречие с потребностью российского общества в широких социальных и политических реформах, которые можно осуществить только при задействовании высокой социальной мотивации в преобразованиях. Динамика социологических показателей политического доверия свидетельствует, что в обществе развивается социально-политический и конституционно-институциональный кризис, разрешение которого невозможно без внесения коренных изменений в структуру власти и положение отдельных политических групп.

Способна ли нынешняя политическая система справиться с задачами эффективного воплощения в жизнь задач системной модернизации? В российском государстве за прошедшие годы сложилась не плюралистически-партиципативная, не консенсуальная и даже не ограниченно-процессуальная (шумпетеровская) модель демократии, а псевдодемократия, за фасадом которой скрывается корпоративно-бюрократический авторитарный режим. Принятие управленческих решений при таком режиме почти полностью закрыто от населения,

а сами чиновники не несут перед ним никакой ответственности. Именно поэтому политическая система современного российского общества отличается низкой эффективностью в достижении реальной политической стабильности и социально-экономического развития. Именно поэтому она навязывает обществу идею консолидации и единства, исключая конкурентность и равноправие социально-политических интересов в публичной сфере и скрывающих основное противоречие российского общества — между крепнущей тенденцией к монополизации власти и плюрализмом тех многочисленных интересов, которые были разбужены волной демократических перемен в России.

Гражданское общество — это структура, которая генетически и функционально возникла в социуме как институт обратной связи для взаимодействия с государством, как институт оптимизации социальных процессов, как институт, который призван контролировать государство и не позволить ему свести все многообразие жизни социума к одному — политическому измерению. Но взаимодействие государства и гражданского общества постоянно генерирует и воспроизводит противоречие, связанное с плюрализмом гражданской сферы и суверенностью (монолитом) государственной власти [2, с. 432–442]. Это противоречие всегда подразумевает, как следствие, существование определенного рода конфликта, который может быть представлен в свернутом виде, не доведенном до обострения, до эскалации, а может быть представлен и своей полной версией.

Что такое конфликт? Конфликт — метаформа особого типа социального взаимодействия, которое может протекать в форме конфронтации, и тогда это деструктивное проявление конфликта. А может протекать в виде кооперации, согласия, партнерства, которое представляет конструктивную форму взаимодействия. И если представители гражданского общества вступают во взаимодействие с государством в формате деструктива, то действительно государство обязано административным (или даже силовым) ресурсом стабилизировать и выровнять социум, чтобы обеспечить ему нормальную жизнедеятельность. Но если государство и гражданское общество вступают в диалог в конструктивном формате, между ними развивается партнерство, технологию которого сегодня называют социальным партнерством, межсекторным социальным взаимодействием.

Своеобразный конфликтологический подход к трактовке взаимодействия гражданского общества и власти дали Д. Коэн и Э. Арато [1]. Они выделили две концепции гражданского неповиновения — либеральную и демократическую. Либеральное неповиновение допускает наличие в обществе тех или иных групп меньшинств, чьи интересы попираются, а права нарушаются. Либеральная концепция признает гражданское неповиновение, но как некое маргинальное явление консенсусной политической культуры, как отклонение от нормы, которое может и должно быть устранено внесением корректив в механизмы функционирования конституционной и правовой систем, обеспечивающих общенациональное согласие.

Демократическая концепция гражданского неповиновения идет дальше и глубже. Для нее неповиновение — вполне естественное следствие развития общества, которое не укладывается в прокрустово ложе существующей правовой системы, создавая необходимость определенных изменений в правовых институтах, в том числе в конституции. Гражданское неповиновение — это звонок для правящей элиты, побуждающий ее задуматься об этих изменениях, отвечающих новым общественным потребностям.

Никакая система законов, никакая конституция не могут выразить всего богатства жизненного мира, который разнообразен и плюралистичен, в котором постоянно появляются

новые потребности и нужды, новые интересы и устремления. Гражданское неповиновение выступает в демократической концепции не только как протест меньшинств, права которых нарушены, но и как результат и показатель нарастающих противоречий между правовой системой и динамичной реальностью общественной жизни. Можно предположить, что по мере исторического развития, развития культуры, сознания, общественных институтов нарушений прав меньшинств будет все меньше и меньше. Тогда правомерно заключить, что гражданское неповиновение, базирующееся на этом основании, в конечном счете исчезнет. Но в демократическом понимании — как фактор воздействия развивающегося общества на правовую сферу, на политическую систему — гражданское неповиновение сохранится всегда. Актами неповиновения гражданское общество сигнализирует о неблагополучии в своих взаимоотношениях с государственной властью. Эти действия не позволяют государственным и правовым институтам застыть и окостенеть, вынуждают их аккумулировать многообразие общественных практик.

Коэн и Арато правильно подметили, что гражданское общество находится между легитимностью и легальностью. Энергия общественной самодеятельности, расширяющееся богатство жизненных запросов и потребностей раздвигают границы легитимности, легитимируют новые формы общественной жизнедеятельности, побуждают государство реагировать на них, принимать законы и правовые нормы, вносить изменения в конституцию, т.е. расширять рамки легальности, придавать им гибкость и эластичность.

Демократические общественные системы обычно создают пространство для легальных форм гражданского неповиновения и вырабатывают механизм конструктивной реакции на акты гражданского неповиновения. Когда же рамки легальности жестко ограничивают выражение протестных настроений в акциях гражданского неповиновения, возникают деструктивные конфликты, способные подорвать политическую и правовую стабильность общества. Как не допустить этого? Огромное значение имеет формирование массовой политической и правовой культуры, включающей уважение к законности, в том числе со стороны тех, кто выражает гражданское неповиновение. Не меньшее значение имеют гражданская ответственность власти, ее способность держать руку на пульсе жизни и вовремя улавливать исходящие от нее импульсы к совершенствованию существующих законов и принятию новых. Правители и законодатели при всем уважении к праву и конституции не должны забывать старой истины: «*Salus populi suprema lex esto*» — «Благо народа есть высший закон».

Для гражданского общества органической нормой являются *диалоговый режим общения*, партнерство и отношения сотрудничества, многомерность восприятия проблемы и, соответственно, многомерность ее решения (с учетом экономических, экологических, культурных и прочих аспектов), открытость потоков информации и публичность своей позиции, соревновательность интересов, поливариантность ролей и целей и примат горизонтальных, кооперативных связей [2, с. 439].

В силу этого между гражданским обществом и государством имманентно присутствует так называемый *протоконфликт*¹, который является необходимым условием для обеспечения реальной возможности граждан и их объединений *контролировать* действия правящей государственной элиты и влиять посредством своей гражданской экспертизы на

¹ На наш взгляд, протоконфликт — это ситуация, при которой субъекты способны осознать реально существующую совокупность противоречивых отношений, заданную спецификой их социальной природы и особенностями их деятельности, и трансформировать ее в позитивную форму взаимодействия по снятию этого противоречия.

функционирование государственной вертикали власти. Здесь внутренняя конфликтность должна быть встроена в качестве генеральной социально-конструктивной силы всей общественной жизни. С ее помощью блокируется стремление государства (а точнее, сил, монополизирующих государство) свести многомерность и поливариантность целостного социума к одному — политическому — измерению, уничтожить разнообразие социальных структур и институтов, деперсонализировать личность. Следовательно, *функционально понимаемая конфликтность во взаимоотношениях между гражданским обществом и государством является необходимым элементом социальной динамики и неустранимым условием оптимизации и самосовершенствования всей социальной системы.* Характер, качество, тип и направленность этого взаимодействия могут быть описаны континуумом «конфронтация–игнорирование–партнерство». Те образования гражданского общества, которые вступают в конфронтацию с государством, представляют деструктивную конфликтность, создают напряжения и противоречия разрушительного толка, тормозят общественную динамику и позитивные преобразования (хотя при этом они не перестают быть элементами гражданского общества). Те же структуры гражданского общества, которые вступают в партнерские взаимоотношения с государством, работают на взаимоусиление, оптимизируют общественное развитие, ведут его к позитивному исходу. Степень функциональной конфликтности может быть выражена по-разному у различных сегментов гражданского общества: от максимально близкой к противостоянию и противоборству у представителей правозащитных и экологических объединений (сюда же, как показывает практика, попадают так называемые движения одной проблемы) до взвешенного компромисса у социально ориентированных организаций и полного сотрудничества у политически-заинтересованных общественных объединений.

Не следует упускать из виду, что и государство может выступать в этом взаимодействии далеко не конструктивным образом, подменяя общенациональные интересы узкоэгоистическими, корпоративно-чиновничьими. *Вертикаль власти*, к сожалению, существенно ограничила и деформировала публичное пространство, публичную сферу, в которой только и может существовать и полноценно развиваться гражданское общество. Представители последнего сегодня все более осознают, что политическая система, основанная на нерасчлененности власти и собственности, бюрократическом контроле, имитации законности и права, паразитирующем бизнесе, не работает на взаимоусиление сотрудничества, а, напротив, подавляет и ограничивает одну из сторон — гражданскую инициативу.

Проблема в том, что в современной России сложился и в последние годы укрепился моноцентричный политический режим. Формирование поля публичной политики и общепринятых и понятных правил игры оказалось затруднено. В нулевые годы эволюция политических институтов в России двигалась в направлении все большей монополизации и унификации политического пространства. Безусловно, фрагментация политической власти в 1990-е гг. существенно снижала эффективность функционирования новых политических институтов, что вызвало одобрительное отношение к процессам централизации российской государственности. Однако чем дальше, тем больше централизация и построение различных вертикалей выполняли функцию оправдания для свертывания конкурентной и непредсказуемой публичной политики (как известно, присущее европейским демократиям искусство компромисса рождается в том случае, когда политические институты формируются в условиях неопределенной по своим исходам конкурентной борьбы). Публичное пространство сокращалось, система формальных сдержек и противовесов постепенно отмирала, сменяясь

договоренностями узкого круга лиц, а институты приобретали все более декоративный характер, мало влияющий на политический процесс. Функциональное упрощение российской политики оказалось эффективно только во внутреннем пользовании, для самой власти. Это иллюзорно ложное упрощение существенно усложнило взаимодействие власти с обществом, власть стала все более замыкаться на себя. Обратная связь атрофировалась и перестала работать. Отсюда — феномен Куцевки, растиражированный по всей малой России, свидетельствующий о колоссальной деградации институтов государственности и эффективной коммуникации с населением. И когда грянули события на Манежной, власть к ним оказалась, попросту говоря, не готова и получила серьезнейший удар. В стране сформировались и начали проявляться критические линии раскола — социального, экономического, этнического, мировоззренческого, культурного. По сути, замещение реальной работы по снижению социальной напряженности и социальной конфликтности виртуальными практиками пиаровского самовнушения властью идеи подконтрольности событий привело к вытеснению реальной оппозиции из сферы публичной политики в область смысловой деструкции.

Что это означает? Любые требования протестующих и недовольных квалифицируются как провокации, маргинальность, инфантильность, молодость и неопытность. Политическая и социально-экономическая природа и причина сформировавшегося конфликта элегантно замещаются беспроектными метафорами незрелости и ангажированности оппонентов. Власть успешно переводит социально-классовые и экономические конфликты в область навязанного морализаторства, этномигрантских фобий и воображаемых внешних врагов. В освещении официальных СМИ противники оказываются либо молодежью, которая не доросла еще до «взрослой политики», либо политическими маргиналами и асоциальными элементами — агентами влияния, экстремистами или упорствующими в заблуждениях фанатиками, с которыми в любом случае нет смысла договариваться.

Но, как известно, реальная демократия есть состояние перманентного институционализованного конфликта социально-политических интересов, периодически пересматриваемого в результате выборов, она предполагает наличие действительных альтернатив статус-кво. Причем ни одна позиция не может восторжествовать окончательно, поскольку в случае проигрыша всегда есть шанс выиграть в будущем. Именно в подобной незавершенности любых решений заключается основа основ демократии. Такого механизма в России все еще нет. А это значит, что институциональные механизмы включения во внутренний план политической системы значимых вневластных позиций и альтернатив сегодня в системном виде отсутствуют. Но безальтернативность, как показал Р. Дарендорф, ведет к подспудному накоплению в обществе вовремя не разрешенных противоречий, которые начинают метастазировать и разрушать здоровые ткани общественной системы. Именно поэтому политические изменения в будущем могут быть только деструктивными, радикально делегитимирующими партию власти, не реформирующими, а взрывающими статус-кво. Опасность подобного положения вещей российским правящим классом, видимо, слабо осознается.

Вертикаль власти, построенная на субординации, привела к бездеятельности обслуживающей ее бюрократии, а в итоге — к параличу процесса реального принятия и осуществления решений. *Тотальная зачистка политической сцены выталкивает протест на улицу, а маргинализированный протест (который в институциональных условиях мог бы принять форму гражданского контроля и экспертизы, открытого публичного обсуждения и*

несогласия) освобождает пространство для системных патологий, таких как коррупция, криминализация и деградация власти.

В 1990-е гг. коррупция облегчала сосуществование власти и общества через практику неформальных сделок. Сегодня коррупция, заблокировав развитие, стала подрывать и саму стабильность, и, тем более, устойчивое развитие социума. Глава ВЦИОМ В. Федоров отметил: «Большинство россиян полагает, что наше сегодняшнее общественное устройство несправедливо. Оно в меньшей степени отвечает их понятиям о норме, чем советский уравнилельный социализм. С этим обстоятельством люди мирятся. Революционные настроения, стремление «взять и все поделить» — удел немногочисленных маргинальных групп... Но и массовой поддержкой, признанием моральности и справедливости существующий социальный порядок похвастаться не может. Такая ограниченная лояльность жителей нашей страны по отношению к ее общественному устройству представляет собой своеобразную мину замедленного действия, заложенную под российское государство... Стоит ли ждать, когда придет новый Савонарола и, используя энергию социального протеста, попытается разрушить российскую государственность?» [3].

Отказываясь от развития и использования полноценного режима симметрично выстроенной социально-политической коммуникации с активными группами гражданского общества, предпочитая режим политического монолога, административного приказа, окрика или просто умолчания, отечественная правящая элита вносит существенный вклад в снижение гибкости и адаптивности созданной политической системы. Вызовы внешней среды (природные или социальные катаклизмы, кризисы, революции) в условиях ригидности такой политической системы могут привести к коллапсу всех политико-властных институтов. Но самое худшее, это когда альтернатива, выраженная в виде уличного, внесистемного протеста, начинает апеллировать именно к внесистемным методам воздействия на оглохшую к сигналам общества политическая власть.

Опыт протестных действий декабря 2011 — начала 2012 г. продемонстрировал, что протестная активность — самый эффективный способ для инициирования конструктивных действий со стороны органов власти. В общественном сознании все прочнее закрепляется цепочка «проблема–протест–общественное внимание–действия властей».

Совместные усилия гражданских активистов и независимых СМИ при активном использовании социальных сетей и на фоне общего недоверия к институтам выборов, парламенту, политическим партиям, обостренного экономическим кризисом, **впервые** привели к тому, что использование административного ресурса и фальсификации вызвали публичное осуждение. Общественное мнение склонилось в пользу активистов. Таким образом, в российском обществе сформировался типичный кризис легитимности, преодолеть который не смогли даже результаты убедительной, на первый взгляд, победы В. Путина на президентских выборах 4 марта 2012 г., в которой изначально были уверены свыше 70% россиян. Кампания, проведенная в жестком конфронтационном стиле, отмеченном грубыми обвинениями политических оппонентов в сотрудничестве с зарубежными спецслужбами, предательстве интересов страны и т.п., лишь усилила ощущение неадекватности восприятия властью происходящих в стране событий. Размывание института выборов привело к тому, что политическая активизация не превратила президентскую кампанию в содержательную дискуссию о видении будущего страны. Вопросы об увеличении или разумном ограничении социальных гарантий, о роли государства в экономике и социальной жизни, его роли арбитра или активного участника максимального числа процессов остались без ответа. Следовательно,

процедура выборов как способ прояснить социальную картину, уточнить структуру предметного общественного запроса или даже подтолкнуть политиков к его формулированию в России недооценивается и не обеспечивается.

Вместе с тем нельзя недооценивать встречные шаги, которые власть предприняла навстречу протестному движению. В их числе либерализация действующего избирательного законодательства, которая может придать гражданскому протесту новое измерение. Политический инструментарий протестующих расширится: они уже не будут вынуждены участвовать в состязании сил, не представляющих их интересы («голосую за любую партию, кроме партии власти»). Упрощение регистрации позволит структурировать протестное движение, вычленив конкретные позитивные политические программы. Гражданская солидарность обретет черты сугубо политического компромисса партий и движений с собственным электоратом. Повысится репрезентативность политической системы. Это может способствовать тому, что вовлечение в политику новых недовольных окажется долгосрочным. Однако последние поправки, внесенные в срочном порядке под определенную дату партией власти в так называемый Закон о митингах [имеется в виду ФЗ РФ от 08.06.2012 г. N 65-ФЗ г. Москва "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях", ужесточивший правила проведения политических массовых мероприятий и ответственность за их нарушения – прим. ред.], показали, что власть предпочитает репрессивно-авторитарный стиль общения с протестным сегментом гражданского общества.

Протестная активность как индикатор нарастающего конфликтного потенциала во взаимоотношениях гражданского общества и власти выявила ряд фундаментальных проблем, с которыми сегодня столкнулась политическая система в современной России:

- во-первых, под вопросом институциональная матрица политического устройства, сформированная Конституцией 1993 г. и усиленная политикой стабилизации. При этом недостаточность мер расширения условий политического плюрализма будет подвергаться дальнейшей критике как раз из-за их встроенности в старую институциональную матрицу;
- во-вторых, новая институциональная матрица власти не до конца ясна. Кризис репрезентативной демократии (не только в России, но и на Западе) позволяет говорить о формировании более широкой схемы центров политической власти, в которой государство будет сохранять доминирующие позиции, но только в качестве антимонополистического ресурса, координирующей власти и символа национальной идентификации;
- в-третьих, значительную роль в трансформации сыграет государство как поставщик публичных услуг, но не монопольный центр выработки публичных ценностей. С одной стороны, будут возрастать требования и общественный контроль над качеством публичных услуг. С другой стороны, усилится влияние форумной и сетевой демократии на формирование политических повесток и принятие политических решений;
- в-четвертых, по-видимому, функция легитимного насилия останется за государством, но изменятся способы легитимации его применения. Возрастет значение, например, таких факторов легитимации, как угроза коллективной безопасности, принуждение к миру, гуманитарная катастрофа и т.п.;

- в-пятых, политической стратегией государств в борьбе за ресурсы конкурентоспособности станет открытость к национальным ресурсам, обеспечивающим формирование центров международного притяжения. В этой связи возрастет значение индустрии знаний, культуры, транспорта, коммуникации и туризма, в целом стабильности за счет развития.

Таким образом, конфликтное противостояние «протестующей улицы» и власти вскрывают более глубокие процессы и разломы, которые сопровождают современное развитие не только в России. С одной стороны, это требование радикального расширения публичного пространства выработки и реализации государственных решений, сопровождающееся кризисом легитимности не только авторитаризма, но и демократической репрезентации, с другой — это реальная угроза для устойчивого развития современных политических систем, а следовательно, поиск такого политического порядка, который бы обеспечивался не столько институциональной определенностью, сколько сопряженностью ответственных заявлений и действий.

В противостоянии встретились два типа политики, сформированные разными шкалами политической ответственности. Упрек в безответственности звучал с обеих сторон противостояния, и никто не мог понять, что эти упреки были порождены *новым сложным миром*, в котором никто не может взять на себя ответственность. «Вы выдвигаете против нас террор классовой борьбы», — говорили одни. «Вы выдвигаете против нас террор беспорядка», — говорили другие. Обе стороны были правы в одном: каждая из них использовала давление как средство политической борьбы. Эта ситуация определялась, помимо многих других обстоятельств, однолинейностью политического мышления и неспособностью выйти на уровень новых требований усложняющегося публичного мира. Но одновременно эти события продемонстрировали формирующуюся новую природу власти в сложном обществе, которая скорее является не «национально связанным “садовником”, имеющим дело с наведением порядка и стабильности, а “лесником”, преимущественная функция которого состоит в контроле сложных и нелинейных глобальных потоков» [4, р. 56–57]. Конечно, этот процесс нельзя считать завершившимся, скорее, мы наблюдаем сдвиг в эту сторону, а потому радикальная позиция наталкивается на естественное непонимание. Но и сам радикальный тренд не учитывает естественную затянутость перехода, пытаясь простыми способами решать сложные задачи. Проблема лиминальности, т.е. пороговости, ситуации не только не решаема, но и не осознаваема, а это порождает ряд процессов, которые создают новые возможности и новые ограничения.

Литература

- 1 Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Наука, 1992.
- 2 Никовская Л.И. Трансформация в России в контексте социального конфликта. В 2-х ч. Ч. 2. М. : Ключ-С, 2004.
- 3 Федоров В. В ожидании Савонаролы // Взгляд : деловая газета : [веб-сайт]. URL: <http://www.vz.ru/columns/2007/1/24/65660.html>
- 4 Taylor G. The new political sociology : power, ideology and identity in an age of complexity. New York : Palgrave Macmillan. 2010.